

Глава 35. Дисс в мире сяньшэна (Часть 2)

Увидев это заявление, Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян едва не взорвались от ярости. Они и представить не могли, что труппа «Лев и Тигр» поступит настолько подло. Их учитель ушёл из жизни всего несколько дней назад!

Честно говоря, когда Цзян Чэньян опубликовал пост с соболезнованиями Хромому Чжану, он не преследовал никаких скрытых целей. Это было просто данью памяти, обычным постом в социальной сети. Кто же знал, что реакция «Льва и Тигра» окажется такой неадекватной? В их поспешности сквозило явное желание замести следы.

— Брат, пойдём к чайной «Циньюань-чалоу», — внезапно предложил Цинь Юэцзин, поднимаясь со стула в их маленьком дворике. — Хочу своими глазами увидеть, во что превратилось это логово «Шиху-тан».

Жив их наставник или мертв, поддерживал он связь с труппой все эти годы или нет — неважно. Не прошло и семи дней со дня смерти, а эти люди уже спешат откреститься от него. Такая холодная жестокость поражала. Если представится шанс, Цинь Юэцзин был полон решимости высказать им всё, что думает об их «справедливости» и о том, как они когда-то подставили его учителя.

Цзян Чэньян нахмурился и, встав, мягко преградил ему путь:

— Подождём, пока пройдёт семь дней. Давай сейчас просто перетерпим.

Он чувствовал то же самое, что и младший брат, но сейчас самым важным было достойно проводить наставника. Традиционный обряд поминовения на седьмой день — «тоуци» — имел огромное значение.

Цинь Юэцзин глубоко выдохнул, подавляя гнев, но он был полон решимости. Он знал: до седьмого дня осталось совсем недолго.

После похорон Хромого Чжана Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян послушно вернулись к выступлениям в ночном клубе «Остров Золота». Оба строго соблюдали условия контракта. Ху Чжунфа предлагал им взять отпуск, но они отказались.

Теперь они понимали: контракт, который когда-то предложил наставник, на самом деле был их защитой. Видимо, Хромой Чжан предвидел подобный исход и хотел, чтобы они не отвлекались на посторонние дразги, а продолжали совершенствоваться в искусстве сяньшэна. Старик действительно был мастером интриги и далеко идущих планов.

В тот вечер Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян попросили менеджера Ли отпустить их на два часа, перенеся их выход на более позднее время. Тот широким жестом разрешил: в конце концов, это ночной клуб, а не академический театр, порядок выступлений здесь не был священным. К тому же он помнил о дружбе владельца клуба с их покойным учителем.

Ровно в восемь вечера Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян стояли у входа в чайную «Циньюань-чалоу» в западной части столицы.

В Имперской столице стояла глубокая осень. В свете вечерних огней перед ними высилось древнее здание из тёмно-коричневого дерева. Вблизи были заметны следы недавней реставрации. Окна чайной светились мягким, уютным светом.

Увиденное вызывало смешанные чувства. Это здание сохранилось с прошлого века и само по себе было памятником истории. Его не превратили в музей; оно продолжало жить, принимая гостей, впитывая атмосферу новой эпохи, оставаясь при этом верным корням.

Они не стали бронировать билеты заранее, а просто купили на месте проходки на последний ряд — обычные деревянные скамьи — и вошли внутрь.

В чайной «Циньюань-чалоу» время будто замерло. Казалось, за звоном посуды всё ещё можно расслышать зычные выкрики половых и раскатистый смех публики былых времён. Очнувшись от мимолётного наваждения, братья оглядели зал и переглянулись: к их удивлению, у знаменитой труппы «Шиху-тан» зрителей было на редкость мало. Похоже, былое величие существовало лишь на словах.

Братья заняли свои места на задворках. На сцене в этот момент выступали Ту Синьда и Ли Синьхэ.

Мастера сяншэна на подмостках всегда внимательно следят за залом, и Ту Синьда мгновенно заметил двоих новичков. Парни выглядели слишком статно и опрятно для обычных завсегдатаев, в них чувствовалась иная порода. Он встревожился. Догадка пронзила его, и он тут же изменил канву выступления, сократив сорокаминутную программу вдвое.

Ли Синьхэ, привыкший понимать напарника с полуслова, мгновенно подстроился. Через пару минут они закончили под жидкие аплодисменты, отвесили поклон и скрылись за занавесом.

Оказавшись за кулисами, Ту Синьда велел следующей паре учеников выходить на сцену, а сам подозвал своего подопечного, Сю Вэньюаня.

— Сходи в зал, — вполголоса приказал Ту Синьда, хмурясь. — Посмотри, кто это там уселся на последнем ряду. Двое молодых, смазливые, держатся особняком. Чувствую, не с добром они пришли.

Сю Вэньюань кивнул и шмыгнул за кулисы. Он уже обдумывал, как завязать разговор, но, едва завидев парней издалека, замер как вкопанный. Осознав, кто перед ним, он пулей метнулся обратно.

— Учитель! — выдохнул он, ворвавшись в гримёрку.

Ту Синьда поставил чашку с чаем:

— Что ты мечешься?

— Учитель, я их знаю! — выпалил Сю Вэньюань. — Это те самые ученики Хромого Чжана: Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян!

— Что?! — Ту Синьда аж подпрыгнул. — Какого чёрта им здесь надо? Неужто решили сорвать нам концерт в «Шиху-тан»?

Сидевший рядом Сун Синьфан устало вздохнул:

— Брат, не слишком ли ты мнителен?

— Не слишком! У нашей труппы сейчас полно врагов, и каждый второй коллега по цеху только и ждёт повода позубоскалить!

— Так ты сам этот повод и создал, — в голосе Сун Синьфана прорезалось раздражение. Он имел в виду то самое скандальное заявление. Хотя часть пользователей сети их поддержала, большинство всё же сочувствовало парням. Кто же знал, что у этих новичков окажется столько фанатов?

Как ни крути, заявление было провальным ходом. Теперь за их конфликтом следила вся страна. С одной стороны — почтенная и знаменитая труппа «Шиху-тан», с другой — двое дерзких новичков, да ещё и учеников того, кого «Шиху-тан» когда-то вышвырнули. Сюжет — лучше любого сериала.

— Пока я ученик этой школы, я буду защищать её имя! И я считаю, что прав! — Ту Синьда вскочил с кресла, его голос звенел от пафоса. Он обернулся к Ли Синьхэ: — Раз уж они пришли слушать, мы дадим им послушать. Сегодня мы расставим все точки над «и»!

Сун Синьфан попытался перехватить его за руку:

— Ты что задумал? Они же ещё совсем дети!

Ту Синьда криво усмехнулся и стряхнул руку брата:

— Детям уже за двадцать, не строй иллюзий. И не бойся, я не собираюсь их бить. Мы не в банде и не в кино. У меня есть способ получше.

Он схватил со стола бамбуковые трещотки-куайбань и, не оборачиваясь, вышел на сцену. Ли Синьхэ последовал за ним.

Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян, сидевшие в последнем ряду, и не подозревали о буре за кулисами. Они лишь удивились, что после короткого перерыва Ту Синьда и Ли Синьхэ снова вышли на подмости.

— Странная программа, — шепнул Юэцзин брату.

— Народу мало, видимо, импровизируют по ходу дела, подстраиваясь под вкусы тех, кто остался, — предположил Цзян Чэньян.

Вокруг сидели в основном старики да пара молодых людей, которые, не поднимая глаз от телефонов, явно просто отбывали повинность, сопровождая дедушек и бабушек.

Зрители почтенного возраста тоже удивились возвращению артистов, но возражать не стали — Ту Синьда и Ли Синьхэ были столпами труппы, их уважали за технику и голос. А когда в руках артистов показались куайбань, зал оживился: ритмичный речитатив под трещотки всегда шел на «ура».

— Добрый вечер, почтенная публика! — Ту Синьда расплылся в улыбке, приветствуя зал сложенными ладонями. — Сейчас мы исполним для вас небольшой сказ под трещотки!

Раздались аплодисменты. Ритмичный стук бамбука заполнил чайную. Ту Синьда начал речитатив.

Поначалу зрители слушали с интересом, думая, что это новая импровизация, но вскоре по залу поползли недоуменные шепотки. Текст становился всё более ядовитым.

— «... Утром глянул я в зеркало — лик пожелтел, видно, нечисть в залу ко мне принесло. Двое юнцов, в голове — передел, мастер их — лжец, что творил лишь зло. Чуть не сел за решетку, да в землю зарыт, лишь милость предков спасла того, кто хромой... Кривая душа его Богом забыта, и участь его — упокой вековой!»

— Ты что несёшь?! — Цинь Юэцзин в ярости вскочил, хлопнув ладонью по столу.

До него дошло: эти подонки узнали их и решили публично унижить, используя искусство как прикрытие для площадной брани.

Цзян Чэньян встал рядом с братом, он помрачнел от гнева. Есть ли вообще предел низости у этой «прославленной» труппы?

Ту Синьда замолчал, остановив трещотки, но с лица его не сходила издевательская ухмылка. Он в упор разглядывал парней.

Зрители начали оборачиваться. Старики не понимали, почему эти молодые люди так бушуют. Зато те немногие сверстники, что раньше скучали в телефонах, теперь вскинули головы. Вот оно! Настоящее шоу!

— Труппа «Шиху-тан» считается гордостью страны, а вы опускаетесь до открытых оскорблений? — выкрикнул Цинь Юэцзин, и его голос эхом разлетелся под сводами чайной. — Моего учителя подставили! И ваш наставник, и каждый из вас прекрасно знает, КТО это сделал на самом деле!

— С чего бы мне лгать? — Ту Синьда и не думал пасовать. Он заложил руки за спину и ответил звучным, хорошо поставленным голосом: — Что твой учитель заварил, то вы теперь и расхлёбываете. Не думайте, что статус учеников даёт вам право на дерзость. Вы молоды и понятия не имеете, кому поклонялись!

Пока на сцене и в зале кипели страсти, Сю Вэньюань вывел из-за кулис целую толпу учеников. Они обступили Цинь Юэцзина и Цзян Чэньяна плотным кольцом. Крепкие ребята в традиционных халатах и обычной одежде смотрели хмуро и угрожающе.

Зал ахнул. Старики заволновались: неужто сейчас начнётся драка? Пора уносить ноги! А молодёжь, наоборот, с азартом включила камеры на телефонах. «Шиху-тан» устраивает «стенку на стенку»! Вот это контент!

Юэцзин невольно придвинулся ближе к Чэньяну. Он не боялся — учитель обучал их основам борьбы, — но реального опыта у него не было. Тот же смотрел на окруживших их парней с холодным спокойствием. В юности ему не раз приходилось пускать в ход кулаки, и он редко выходил из схватки проигравшим.

— Вы что, драться собрались? — Цинь Юэцзин снова обратился к Ту Синьда на сцене. — Решили задавить числом?

Ту Синьда молчал, лишь победно улыбался. Он просто хотел припугнуть этих щенков. Но тут на сцену выбежал Сун Синьфан.

— Что вы творите?! А ну, разошлись все! По местам! — заорал он на молодых учеников. Увидев

эту засаду, он сразу понял, чем пахнет дело.

Ученики не шелохнулись, лишь вопросительно глянули на Ту Синьда.

Сун Синьфан побагровел от стыда и злости. Его авторитет старшего ученика таял на глазах:

— Я что, со стенами разговариваю?! У вас совесть есть? О школе подумайте!

Ученики замялись, но по-прежнему ждали отмашки Ту Синьда. Тот, не желая окончательно доводить брата до удара, едва заметно кивнул Сю Вэньюаню. И только тогда толпа неохотно отступила за кулисы.

Сун Синьфан бросил взгляд на парней, потом на Ту Синьда, тяжело вздохнул и ушёл вслед за остальными. В душе он молился, чтобы его наставник, Юй Чжимин, сегодня не заявился в чайную — старик бы этого позора не пережил.

Зрители выдохнули. Худшего удалось избежать.

Ту Синьда на сцене всё ещё сохранял победный вид. Он задрал подбородок, а его взгляд говорил: «Ну что? Нас много, мы сила, а вы — никто».

Цинь Юэцзин вдруг коротко рассмеялся. Он посмотрел прямо в глаза Ту Синьда и поднял большой палец вверх, а затем медленно перевернул его вниз.

— Ладно. Труппа «Шиху-тан» мастерски умеет лить грязь, мы поняли. Но раз уж мы все здесь люди искусства, давайте и решать этот спор искусством, — голос Юэцзина был твёрдым. — Мы ответим вам со сцены.

Ту Синьда расхохотался так, что его голос, подобно рыку, заполнил весь зал:

— Решать споры со сцены — это по-нашему! Идёт! Думаешь, я тебя испугался?

Он снова ударил в трещотки, возобновляя свой глумливый речитатив:

— «... Двое юнцов, в голове — передел, мастер их — лжец, что творил лишь зло!»

Слушая этот издевательский ритм, Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян ощутили лишь глубокое отвращение.

— Ты ещё пожалеешь, — бросил Юэцзин, и братья, не оборачиваясь, вышли из чайной.

Ту Синьда продолжал хохотать им в спину, не прерывая стука куайбань.

В зале один из парней шепнул другу:

— Эй, ты заснял?

— Всё до секунды! — тот сиял от восторга. — Бабуля приболела, попросила записать концерт, а тут такой джекпот! Это же натуральный дисс-баттл, как в хип-хопе!

— Ха-ха! Впервые вижу дисс в сяньшэне! Интересно, как эти двое ответят?

— Да они их просто в порошок сотрут, если у них есть яйца! Ты видел, как они взбесились? Будет жарко!

Старики тоже начали приходить в себя. Они поняли, что между артистами и этими юношами старые счёты, но публичная брань со сцены оставила у многих неприятный осадок. «Шиху-тан» явно перегнули палку, пользуясь своим положением. Похоже, завтра детям и внукам придётся поработать в интернете, чтобы разузнать, что же это были за парни.

<http://bllate.org/book/17504/1662321>